

О ПОЛЕВЫХ УКРЕПЛЕНИЯХ РУССКОГО ВОЙСКА XII–XV в.:
«ОСТРОВА», «ВАЛЫ», «РВЫ», «ГОРОД», «ТВЕРДЬ»,
«СТОЛПИЕ», «ОСТРОГ», «ТОВАР»

Полевые укрепления русского войска XII–XV в. — тема, заслуживающая внимания во многих отношениях. Знания об этой военной технологии позволят точнее восстанавливать ход исторических событий, отраженных в летописных известиях. Если же в дальнейшем окажется возможным выявлять следы полевых укреплений археологически, это откроет перспективы для изучения военных действий той поры почти с такой же степенью детализации, как в настоящее время исследуются перемещения войск во время Наполеоновского похода на Москву 1812 г.

Для изучения заявленных феноменов необходимо проанализировать и систематизировать немногочисленные известия письменных источников о полевых укреплениях данного времени и, опираясь на контекст каждого конкретного известия, обрисовать, насколько это возможно, эти укрепления.

Острова

Первыми исследователями в отечественной историографии вопроса строительства полевых укреплений в средневековой Руси были Ф. Ф. Ласковский и Н. С. Голицын [Ласковский; Голицын].

Н. С. Голицын обратил внимание на то, что на заре формирования древнерусского военного дела в качестве естественных укреплений использовали острова. Вывод автора подтверждается скупыми сообщениями источников. Арабский хронист Масуди, описывающий нападения «русов» на прибрежные города Каспийского моря в начале X в., упоминал, что они не строили укрепленных стоянок на суше, а занимали захваченные города (Баку в 914 г.) или устраивали стоянки в устьях рек (Волга в 914 г.), на островах [Дорн, с. 8].

Первое упоминание в отечественных источниках о стоянке русского войска у острова встречается под 6611/1103 г. на юге Руси: «и сташа въ протолчехъ . и в Хортичимъ островѣ»¹. В этом же месте останавливалось «станом» русское войско в 6732/1224 г. перед сражением у р. Калки: «вондоша во Днѣпръ . и возведоша порогы и сташа оу рѣкы Хорьтицѣ . на бродоу оу Протолчи»². Также говорилось о «Варяжском» острове на Днепре, у которого произошел сбор русского войска: «ко островоу Варяжьѣомоу . и приѣха тоу к нимъ . вса земля Половецкая . и Черниговцемъ приѣхавшимъ . и Кианом»³.

Данные свидетельства говорят не о строительстве укреплений, а о временном расположении войска на острове, где задачу укреплений выполняли естественные препятствия.

Упоминания о стоянке войска на острове в XI–XII в. на северо-западе Руси (Новгород, Псков) встречаются гораздо реже. Например, под 6657/1149 г.: «сташа новгородци на островѣ, а они противу ставше, начаша городъ чинити въ лодьяхъ»⁴. Под 6715/1207 г. упоминалось о стоянке на острове во время совместных действий войска новгородцев с войском Всеволода Юрьевича в Рязанских землях: «Суздалци и Новгородци на островѣ стоать у Олгова»⁵. Сообщение под 6657/1149 г. необычайно ценно, так как является прямым доказательством того, что помимо использования естественных препятствий войско сооружало искусственные укрепления.

¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. II. Стб. 253.

² Там же. Стб. 742.

³ Там же. Стб. 741.

⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 28, 215.

⁵ ПСРЛ. М., 2004. Т. XXIII. С. 61.

На северо-востоке Руси в XII в. «речное» войско владимиро-суздальских князей также использовало для стоянок острова. Под 6690/1182 г. в набеге войска Всеволода Большое Гнездо на Булгар упоминалась стоянка в устье р. Цевцы (приток Волги) у острова Исади (Исады): «*островъ нарѣцаемыи . Исади . оустье Цѣвцѣ вьстѣдъ на врегъ . и тоу вставиша всѣ посады . и галѣѣ*»⁶. Этот же остров упоминался в набеге войска сына Всеволода Святослава на болгарскую крепость Ошеля под 6728/1220 г.: «*минувъ Исады и ста на усть Камы*»⁷.

Из 7 летописных сообщений о стоянках (1103, 1149, 1182, 1207, 1220, 1223, 1469 г.) только в свидетельстве под 1149 г. было точно зафиксировано строительство на острове укреплений. Следовательно, русское войско практически не строило их на островах.

Если «речное» войско использовало вместо укреплений острова, то какие укрепления использовало сухопутное войско?

Валы, рвы

Первое письменное свидетельство о русском «стане»⁸, «лагере»⁹ было отмечено под 6478/970 г. в византийских источниках — «Истории» Льва Диакона. Однако в сообщении речь шла не о строительстве русскими укреплений вокруг лагеря, а о месте расположения войска. А вот византийцы, в отличие от русских, оградили лагерь рвом и валом, поверх которого были воткнуты копыя с надетыми на них щитами¹⁰.

Первое свидетельство отечественных источников о строительстве полевых укреплений относится к 6488/980 г., где говорилось, что у стен Киева войско Владимира Святославича окружило место стоянки войска рвом: «*стогаше Володимиръ шерывса на Дорогожичѣ . межи Дорогожичемъ и Капичемъ . и есть ровъ и до гожд (вар. — сего) дне*»¹¹. Использование термина здесь — факт работы летописца-сводчика.

В настоящее время установлено, что многочисленные упоминания в летописи XII в. «валов» в районе Киева имеют в виду так называемые Змиевы валы — оборонительные линии, возведенные киевскими князьями в X в. против набегов кочевников, а не полевые укрепления места расположения войска¹².

Однако упоминания 970 и 980 г. в сочетании с летописными известиями 1093, 1146, 1149 г. позволили Ф. Ф. Ласковскому, а вслед за ним и другим исследователям прийти к выводу, что русское войско в X–XII в. создавало искусственные полевые укрепления в виде валов и рвов¹³.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 625.

⁷ ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 117. Острова использовали и в эпоху Ивана III, который отправлял «судовые рати» по речным путям Волги, Камы и Вятки (Казань в 1468, 1469, 1470, 1482, 1487 г., Вятка в 1489 г., Кама в 1468, 1472 г.). Во время действий русское войско, так же как и в XII–XIV в., использовало для стоянок устья рек и острова. Например, в 1469 г. в походе на Казань местом стоянки русского войска были острова — Коровнич, Ирыхов (ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 222).

⁸ «разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы» (сражение под Аркадиополем — весна 970 г.) (Лев Диакон. История. М., 1988. С. 122).

⁹ «Иоанн с отборными всадниками быстро прискакал к (лагерю) скифов; на следующий день он отрядил (воина) к магистру, убеждая его прибыть со всем войском» (Лев Диакон. История. С. 58); «они, укрепившись духом, приблизились к ромеям и разбили лагерь» (у Преславы) (Там же. С. 124); «разбили лагерь в двенадцати милях от Доростола, где с ожесточением и мужеством ожидали императора» (Там же. С. 127).

¹⁰ Лев Диакон. История. С. 75.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 64

¹² П. А. Раппопорт считал, что валы не имели отношения к Киевской Руси [Раппопорт, 1965, с. 20]. М. П. Кучера, опираясь на находки, сделанные в насыпи валов, датировал их древнерусским периодом [Кучера, с. 68–82]. И. Б. Михайлова предположила, что основа валов возникла в скифо-сарматское время, а затем в русский период они были обновлены и укреплены высоким частоколом, приспособлением для борьбы с кочевниками [Михайлова, с. 66–67]. П. П. Толочко и Ю. Ю. Моргунов были едины в том, что строительство самого позднего поросского вала связано с деятельностью Владимира Святославича и было закончено около 1008 г. [Толочко, с. 78; Моргунов, с. 206–207].

¹³ «Предки наши, занимая позиции для принятия боя, или временной на них стоянки, ограждали себя, подобно другим народам древности, окопами; в этом удостоверяют нас встречаемые в летописях выражения: “стать межи валом” (1093, 1149 г.), “стать подле валь” (1146 г.)» [Ласковский, с. 141–142].

Необходимо критически рассмотреть ссылки, представленные Ф. Ф. Ласковским. Свидетельство под 6601/1093 г., найденное автором в Воскресенской летописи, не отличалось от подобного упоминания в более ранних источниках — Лаврентьевской и Ипатьевской летописях: «ї минувшє Треполь . придоша валъ . и се Половцѣ идаху противу . и стрѣлци противу пред ними . нашимъ же ставшимъ межи валомъ»¹⁴. Однако это сообщение говорило не о том, что русские насыпали вал около своего лагеря перед сражением с половцами, а о том, что войско, передвигаясь навстречу противнику, на некоторое время расположилось перед сражением между созданными ранее валами.

Под 6654/1146 г. Ипатьевская летопись сообщает: «принде Изяславъ ко валови идеже есть Надово ѡзеро . оу Шелвова боркоу . и тоу ста полкы подлѣ валъ съ сномъ . своимъ Мьстиславомъ»¹⁵. Под 6657/1149 г. «Гюрги стоа г̃. дни оу Стракве . а четвертъини днь понде Ѡ Стракве . мимо городъ . по зори исполцивса . и ста межи валомъ»¹⁶ — говорится не о строительстве оборонительных сооружений, а о старых фортификациях, которые позволяли войску занять укрепленную позицию перед сражением.

Таким образом, никакой речи о строительстве либо сооружении валов или рвов в известиях под 1093, 1146, 1149 г. нет.

В данном вопросе точка зрения Ф. Ф. Ласковского также расходилась с выводами Н. С. Голицына. Если первый, не имея письменных свидетельств за XIV—XV в., не делал заключений, то Н. С. Голицын, наоборот, считал, что в это время русское войско создавало полевые укрепления в виде валов и рвов [Голицын, с. 42].

Подводя итог обзора письменных свидетельств, можно предположить, что русские в военных действиях на протяжении X—XV в. не прибегали к строительству полевых укреплений в виде валов и рвов.

Город, твердь

И. И. Срезневский определял значение термина «город» как «укрепление, крепость, город»¹⁷, а термин «твердь» как «укрепленное место, укрепление, крепость»¹⁸. В «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» значение термина «город» раскрывается как «крепостная стена; крепость, оборонительное сооружение; укрепленный населенный пункт»¹⁹. Авторы «Словаря русского языка XI—XVII вв.» расширили значение слова «город», дав определение: «линия укреплений, временное укрепление»²⁰.

Ф. Ф. Ласковский отмечал, что русское войско иногда создавало такие укрепления, как «твердь» (1150, 1152, 1180, 1217 г.), «город» (1149, 1224 г.).

Первое свидетельство о «тверди» встречается в Лаврентьевской летописи (далее — ЛЛ) под 6658/1150 г.: «сторожем же Володимерковыи надъстигши его на Рси Володимеркѹ же не приспѣвшю со Андрѣем . за тѣмъ Изяславъ заиде за твердь . идѹщю же емѹ Бѣлѡгородѹ . Борисъ Гюргевичъ вывѣже из Бѣлѡгорода . и ѣха Кыевѹ къ щю»²¹. Князь Изяслав Мстиславич зашел за твердь и отправился в Белгород. Термин «твердь» присутствует, но раскрыть его смысл в этом сообщении сложно.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 210–211.

¹⁵ Там же. Стб. 325.

¹⁶ Там же. Стб. 379.

¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 555–556.

¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Стб. 942.

¹⁹ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 357–358.

²⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 90.

²¹ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. I. Стб. 330; «Изяславъ же в то время заиде за твердь» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 49); «Изяславъ иде за твердь» (ПСРЛ. Л., 1989. Т. XXXVIII. С. 121); «заиде за твердь» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 231).

Однако привлекаем свидетельство о тех же событиях из Ипатьевской летописи (далее — ИЛ). В тот момент, когда Изяслав Мстиславич со своими силами переправился через Ушицу (совр. Уж), его воины взяли в плен галичанина, который сообщил, что их силы стоят в лесу за рекой. Князь захотел атаковать противника, пока не подошли силы Володимирка Галицкого. Дружина Изяслава стала отговаривать князя: «се перед тобою рѣка но еще зла како на нь хочеша поѣхати . а еще стоитъ заложивъса лѣсомъ . нын же того кнже не прави но поѣди Кнєвѣ свои дръжинѣ»²². О какой реке шла речь — Ушице или Тетерева? Для нас важно, что она была «заложившись лесом». Может быть, это и имел в виду составитель Лаврентьевской летописи, когда вместо долгого описания просто объединил все в один термин, вполне понятный для того времени?

Более ясно представить значение термина «твердь» можно по сообщению ИЛ под 6660/1152 г., в котором речь шла о том, что венгерский король напал на владения Володимирка Галицкого. Князь встретил противника у р. Сан и на бродах поставил полки. В момент, когда король начал наступление, Володимирко отошел за так называемую «твердь»: «Володимеръ же въступиса назадъ за твердь ста . и тако король нача ставити полкы своя на бродѣхъ . Галичане же противу ставлаху своя полкы»²³. Тут «твердь» была искусственным препятствием на броде для затруднения на переправе. Однако Ю. Ю. Моргунов отнес это сообщение к примеру полевого укрепления [Моргунов, с. 236].

Далее «твердь» встречаем в ЛЛ под 6685/1177 г., когда Всеволод Большое Гнездо стоял на Колокше против Глеба и половцев, и тут «твердь» имела то же значение, что и в рассмотренных выше текстах: «и не совокрѣпиша са бити wobи . за мсь . бѣ бо не лзѣ перенти рѣкы твердью»²⁴.

В ИЛ под 6688/1180 г. «твердь» опять предстает как неприступное естественное препятствие: «бѣ бо рѣка та твердо текоуци . бережиста . боудалци же . стопаху на горах во пропастьехъ . и ломох . ако же нѣлзи ихъ донти полком»²⁵. В ЛЛ этот рассказ перенесен под 6689/1181 г. и существенно сокращен, о «тверди» нет упоминаний²⁶. Однако Новгородская I летопись (далее — НЛ) под 6688/1180 г. опровергала это свидетельство, умалчивая о естественных препятствиях, и говорила именно о строительстве искусственных укреплений: «у Вълѣнѣ у рѣцѣ, ту ся воротиша: ту бо бяху вышли суждальци пълкомъ, и угошили около себе тврдь»²⁷. Ю. Ю. Моргунов отнес сообщение НЛ к примеру полевого укрепления, а о сообщении ИЛ умолчал [Моргунов, с. 235–236].

Новгородское известие противоречило ИЛ и в другом. Оказывается, новгородцы разбили отряд суздальцев: «и убиша ихъ новгородци не о трѣхъ стехъ, а сами сторови вси воротишася». В ИЛ уточняется, что на войско Святослава Всеволодовича напали полки рязанских князей, посланные Всеволодом: «посла Всеволодъ Рязаньскии князи . и вогнаша в товары Сѣтославѣ . и потопташа ѣ . а ннѣхъ изонмаша . а дружина исѣкоша . и тако въ борзѣ пригнавѣ к Рѣскимъ полкомъ . и своимъ полкомъ . и тако Рязаньскии князи оутекоша»²⁸.

Главной ценностью новгородского рассказа можно считать уточнение места действий: «и съясаша на Вълзѣ устье Тхвери... и не дошдьше Переяславля за 40 вьрсть»²⁹, в отличие от источника ИЛ, который не знал тех мест и описывал то, что видел, — конкретную реку и неприступные берега Влены: «и оустрѣте и на Вѣни рѣцѣ . и сташа wба полгы рѣкы Влены... бѣ бо рѣка та твердо текоуци . бережиста»³⁰.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 412.

²³ Там же. Стб. 448; «Володимеръ же въступивъса назад за твердь и ста» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 55).

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 384; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 263; «бѣ бо нѣлзе перенти твердью рѣкы» (ПСРЛ. М., 1995. Т. XLI. С. 108).

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 618–619.

²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 267.

²⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 36, 226.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 619.

²⁹ Там же. С. 36, 226.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 618–619.

Другой особенностью текста в НІ является то, что тут полевые укрепления на отрезке 1149–1224 г. обозначались не словом «твердь», а словом «городом». Лишним доказательством может служить ошибка переписчика младшего извода, который вместо «острога» (укрепление перед городом) написал «город»³¹. «Твердь» присутствовала в текстах НІ, но в значениях, которые мы встречали в ИЛ и ЛЛ, — искусственные укрепления у рек и укрепления вообще. Например, под 6723/1215 г. полки Ярослава Всеволодовича «изгошиша твьрдь, а пути от Новагорода все засекоша и реку Тьхвѣрцю»³², под 6732/1224 г. новгородцы «по путьмъ сторожи поставиша, а твьрди издѣлаша»³³. Ю. Ю. Моргунов под новгородскими свидетельствами подразумевал «форпосты в составе эшелонированной пограничной системы» [Моргунов, с. 236]. «Твердь» НІ — общий термин, значение которого распространялось от укреплений на реках до «засек» и на реках, и на дорогах. Но при всей широте значения «твердь» — это не полевое укрепление.

Таким образом, вместо слова «твердь» в НІ под 1180 г., если речь шла о полевом укреплении, должен был использоваться термин «город». Если же следовать тексту «угошили около себе твьрдь», то подразумевать надо укрепление на реке, как в ИЛ, ЛЛ или позднее в НІ под 1215 г. на р. Тверице. Следовательно, нет оснований считать сообщение под 1180 г. примером употребления слова в значении полевого укрепления.

В плане терминологического употребления слова «твердь» как укрепления вообще можно привести свидетельства в ИЛ после событий на Влене: «идоша . во твердаа мѣста и стопаша межи собою недѣлю шваполь Дрюти»³⁴, и под 6704/1196 г., когда Роман Мстиславич напал на ятвягов, которые «бѣжаша во свои тверди»³⁵.

В целом, известия под 6658/1150, 6660/1152, 6685/1177, 6688/1180 или 6689/1181, 6723/1215 г. свидетельствуют об использовании «тверди» в тех местах, где на реках был брод (1150 г. — р. Тетерев или Уж, 1152 г. — р. Сан, 1177 г. — р. Колакша, 1180/1181 г. — р. Влена, р. Дрють, 1215 г. — р. Тверица).

Под 6692/1184 г. встречаем «твердь» именно как укрепление на суше, перед городом (аналогия с новгородским «острогом»), но у волжских булгар: «твердь оучинивше плотомъ»³⁶.

Событие первой четверти XIII в. представляет «твердь» в качестве полевого укрепления, с чем согласна отечественная военная историография. Речь идет о Липицкой битве, состоявшейся 21 апреля 1216 г. между Мстиславом Мстиславичем и сыновьями Всеволода Юрием и Ярославом. Владимиро-суздальские полки поставили «стан» на господствующей высоте (Авдове горе), окруженной болотом. Огородили лагерь кольями: «Надѣяшеть бо ся на твердь, бяше бо плетенемъ оплетено то мѣсто и насовано колья»³⁷. ИЛ и ЛЛ не знают этих свидетельств, как не знает этого и НІ. «Твердь» как полевое укрепление возникла в общем протографе Новгородской IV и Софийской I летописей. «Твердь» на Липице не отражение реального примера, а результат работы позднего сводчика. Ю. Ю. Моргунов считает, что это «несложная для быстрого воплощения преграда из плетня, усиленная заостренными кольями. Археологически следы отклоненных наружу кольев нередко встречаются на внутренних склонах городищенских рвов» [Моргунов, с. 236].

Хронологически термин «город» (1149 г.) в значении полевого оборонительного сооружения появился в новгородском летописании раньше «тверди» ИЛ, ЛЛ (1150 г.).

³¹ ПСРЛ. Т. III. С. 221.

³² Там же. С. 54, 254.

³³ Там же. С. 64, 268.

³⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 620–621.

³⁵ Там же. Стб. 702.

³⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 269.

³⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 268.

Примеров всего три (1149, 1169, 1224 г.): «начаша городъ чинити въ лодьяхъ»³⁸, «утроиша острогъ (вар. младшего извода — город) около города»³⁹, «и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ»⁴⁰. Составители «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» отнесли свидетельство под 1149 г. к значению «защитное сооружение», к которому причислили и известие под 1224 г., обозначая его как фразеологизм⁴¹. Ю. Ю. Моргунов слово «город» в сообщении под 1224 г. определил как «полевой лагерь, защищенный стеной из частокола» [Моргунов, с. 239]. ИЛ и ЛЛ за XII–XIII в. не знают примеров, которые можно было бы отнести к полевым укреплениям.

В итоге, на отрезке XII — первой четверти XIII в. в русском летописании единственным термином, обозначающим полевые укрепления, являлся новгородский термин «город»⁴².

«Твердь» и «город» (XII–XIII в.) как термины исчезают со страниц летописных источников с 30–40-х годов XIII в.

Столпие

Как и в случае с «городом», это крайне редкий термин. И. И. Срезневский «стълпие» определил как «сбирательное от слова “стълпъ”... ограда, стена»⁴³. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» дано определение «ограждение, стена из поставленных вертикально столбов»⁴⁴.

Ю. Ю. Моргунов затронул термин «столпие» и дал обзор связанной с этим термином дискуссии. Ф. Ф. Ласковский [Ласковский, с. 103–104], М. А. Фриде [Фриде, с. 127], П. А. Раппопорт [Раппопорт, 1961, № 105, с. 119] представляли «столпие» как частокол. Иное толкование предложил М. П. Кучера: «столп-сруб» [Кучера, с. 60–62]. Сам Ю. Ю. Моргунов считал идею М. П. Кучеры «гипотетическим построением с рациональным зерном» [Моргунов, с. 235] и сетовал на отсутствие археологического подтверждения. Однако в итоге можно сделать вывод, что «столпие» Ю. Ю. Моргунов рассматривал как долговременное сооружение, а не временное, когда ссылаясь на влажные почвы северных областей Руси и условия южной Руси, где не нужно было опасаться быстрого гниения венцов [Моргунов, с. 235]. Точка зрения исследователя базируется на ряде свидетельств (например, монашеские кельи в Киево-Печерском монастыре и ограды у стен Киева).

Н. Ф. Котляр в отличие от Ю. Ю. Моргунова считает «столпие» именно временным полевым сооружением, определяя его как ряд деревянных заостренных кольев, забитых или закопанных в землю [Котляр, с. 163]. Более того, исследователь выдвинул интересное предположение, что данное сооружение использовалось и на северо-востоке Руси, где называлось «плот», «твердь» [Котляр, с. 164]. К сожалению, проверить эту идею без археологических исследований невозможно.

Острог

И. И. Срезневский дал определение «острогу» — «частокол, ограда из кольев, устраивавшаяся около города, как для защиты, так и для нападения на город; внешнее окружное укрепление (противоположность детинцу — крепости внутренней)»⁴⁵. Составители «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» определение И. И. Срезневского сделали более общим: «внешнее окружное укрепление города»⁴⁶. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» эта точка зрения поддержана: «внешняя крепость в противоположность детинцу»⁴⁷.

³⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 28, 215; М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 152.

³⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 33, 221.

⁴⁰ Там же. С. 63, 266.

⁴¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. С. 358.

⁴² «бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе в колѣхъ, и бися с ними из города того по 3 дни... а у города того оста 2 воеводѣ... а городъ взявъ, а людии исѣкоша» (ПСРЛ. Т. III. С. 63, 266).

⁴³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Стб. 579.

⁴⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2008. Вып. 28. С. 86.

⁴⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. II. Стб. 744–745.

⁴⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2009. Т. VI. С. 231.

⁴⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 156–160.

Наблюдения И. И. Срезневского и современных лексикографов подтверждаются многочисленными летописными сообщениями. «Острог» как оборонительное сооружение у города появился уже в конце XI в., например, в Чернигове, что узнаем из «Поучения» Владимира Мономаха под 6604/1096 г.⁴⁸ С середины XII в. «острог» как внешняя крепость упоминается уже постоянно при описаниях боевых действий. Под 6654/1146 г. (Звенигород)⁴⁹, 6660/1152 г. (Чернигов)⁵⁰, 6669/1161 г. (Белгород)⁵¹, 6683/1175 г. (Новгород-Северский)⁵², 6688/1180 г. (Дрютск)⁵³, 6693/1185 г. (Путивль)⁵⁴, 6694/1186 г. (Переяславль)⁵⁵, в Новгороде под 6677/1169 г.⁵⁶, 6732/1224 г.⁵⁷, 6778/1270 г.⁵⁸, 6824/1316 г.⁵⁹, 6843/1335 г.⁶⁰, 6894/1386 г.⁶¹

Однако в ряде поздних источников термин «острог» означал полевое укрепление. Например, в Тверской летописи под 6732/1224 г. в «Повести о Калицком побоище и о князьях Русских, и о храбрых 70»: «а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, бѣахуть бо ся вмѣсто острога обѣ рѣку Ишню»⁶². Подобное встречаем в Воскресенской летописи под 6839/1331 г., когда у Чернигова князь Федор Киевский с баскаками напали на новгородцев, «а Новгородци устерегоша ихъ, и стаща dospѣвъ островъ (*вар. — острог*) противу себе, и мало кровопролитие не dospѣлося межи ими; но даша Новгородци окупъ съ себе»⁶³. Но ранние источники этого не знали. В итоге эти два свидетельства (6732/1224, 6839/1331 г.) исключаются из анализа.

Однако часть представителей отечественной историографии рассматривала «острог» в XIV–XV в. как продолжение традиций «города» и «тверди» (полевые укрепления). Например, если Н. С. Голицын, не ссылаясь на источник, говорил о строительстве «осек, острогов и городков» [Голицын, с. 42], то Б. Ю. Рыбаков ошибочно принял польский «острог» за русский: «...в ятвяжских лесах... войска двигались глубокими колоннами; на ночь останавливались во временных укреплениях, “острожившись”» [Рыбаков, с. 354].

Несмотря на это, В. В. Косточкин действительно нашел упоминание об «остроге», который он отнес к полевому укреплению, в событиях второй четверти XIV в. (1398 г.)⁶⁴. Исследователь открыл данное свидетельство в позднем источнике — Никоновской летописи: «Яковъ же поиде за Оньаломъ и наеха его за Медвежьею горою; а онъ себѣ со своими други острогъ учинилъ и бися съ Яковомъ изо острога»⁶⁵. Но данное сообщение встречаем в Софийской I, Новгородской IV летописях⁶⁶, хотя в Новгородской I его нет. Следует ли этот момент считать началом постоянного применения «острога» в качестве оборонительного укрепления для «стана» войска?

⁴⁸ «не вдадуче имѣ въ острогъ» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 174).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

⁵⁰ Там же. Стб. 457.

⁵¹ Там же. Стб. 516.

⁵² Там же. Стб. 599.

⁵³ Там же. Стб. 621.

⁵⁴ Там же. Стб. 649.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 275.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 33, 221.

⁵⁷ Там же. С. 64, 268.

⁵⁸ Там же. С. 89, 320.

⁵⁹ Там же. С. 95, 337.

⁶⁰ Там же. С. 346–347.

⁶¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 487.

⁶² ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 337.

⁶³ ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 203.

⁶⁴ «Легкие оборонительные сооружения устраивали в обстановке полевой войны. Так, бежавший в Устюг двинский боярин Анфал, преследуемый новгородцами, устроил в 1398 г. на р. Сухоне у Стрельного порога острог, которым он некоторое время и оборонялся от отступающих его войск» [Косточкин, с. 458].

⁶⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. XI. С. 171.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 515–516; Т. IV. Ч. 1. С. 384.

Вероятно, надо поддержать вывод В. В. Косточкина и датировать «острог» концом XIV в. На основании этого можно предположить, что упоминавшийся «острог» был сооружен скорее как долговременное укрепление, которое можно было отнести не к полевому сооружению, а к небольшому «городку» или даже крепости.

Ю. Ю. Моргунов [Моргунов, с. 232] и Н. Ф. Котляр [Котляр, с. 162–163] рассматривали «острог» не как полевое укрепление, а как элемент общегородской системы обороны. Ю. Ю. Моргунов сделал заключение, что истоки термина «приводят нас к защитным древностям догосударственного периода развития Руси, среди которых хорошо известны различные варианты частокольных преград» [Моргунов, с. 233].

Таким образом, можно сказать, что подобные не временные, а долговременные укрепления стали сооружаться лишь новгородским войском в конце XIV — первой половине XV в. Вероятно, эти сооружения возникли во время нападений новгородцев на северо-восточные земли с целью расширения своего влияния. И если в середине XIV в. ушкуйники ограничивались кратковременными набегами и в полевых укреплениях не было необходимости, то в XV в. Новгород всячески старался закрепить свои права в этих землях: «Того же лѣта Василии Шенкуръской и Михаила Яколь, воеводы новгородчкыи, поидоша ратью заволочкою въ трех тысядахъ на Югру; и поймавше югорьскихъ людей много, и жонъ ихъ и дѣтей, и располошишася; онѣ же, Югрици, доспѣвше над ними облесть, а ркъ тако: “мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися, и указати вамъ станы и острова, уречища”»⁶⁷ — для чего уже были необходимы не просто полевые укрепления, а «остроги» — «городки».

Товар

Помимо «тверди», «города» и «острога» к полевым укреплениям Ф. Ф. Ласковский [Ласковский, с. 141–142] и Н. С. Голицын [Голицын, с. 39] относили «товары», правда, практически не разработав этот вопрос.

С конца XI — начала XII в. в летописных сводах появляется термин «товар». И. И. Срезневский давал одно из его значений — стан (военный лагерь)⁶⁸. Ф. П. Сороколетов также считал, что «товар» был общепринятым обозначением русского полевого военного лагеря в XII — начале XIII в. Он тонко подметил особенность военного словоупотребления («товары» — множественное число) в отличие от обиходного употребления слова, где более обычной была форма единственного числа [Сороколетов, с. 195].

Впервые «товары» (как военный лагерь), упоминаются под 6500/992 г., когда Владимир Святославич остановился с войском у р. Трубеж против войска печенегов: «Володимиръ же пришедъ в товары посла по товаромъ вирича»⁶⁹. Однако использование термина здесь — факт работы летописца-сводчика. Первое же упоминание «товаров», которое можно уверенно причислить к свидетельству очевидца, имело отношение к событиям конца XI в.: «приде Василко въ . д . ноября . и перевезеса на въдвоничъ . иде поклонитса къ стѣмъ Михаилу в манастирь . и оужина тѣ . а товары своа постави на Рѣдници . вечеру же бывшу приде в товаръ свои»⁷⁰. Здесь «товары» означали место расположения князя и его окружения во время княжеского съезда в Любече под 6605/1097 г.

В таком же значении слово встречается под 6624/1116 г., когда Владимир Мономах стоял с войском у Смоленска, где закрылся князь Глеб Всеславич: «Володимиръ же нача ставити истьбоу . оу товара своего . противу градѣ»⁷¹. Источник сообщал, что Владимир стал строить «истьбу», но не в значении укреплений, а с целью напугать противника, показать, что войско пришло надолго. В данном сообщении «товары» обозначали расположение военного лагеря.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 425.

⁶⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Стб. 969.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 107.

⁷⁰ Там же. Стб. 232.

⁷¹ Там же. Стб. 283.

В большинстве случаев такие «товары» состояли из телег, повозок. Их ставили в поле: «и пришедь ста противу стмѹ Млхданѹ . по лѹгови»⁷², и, вероятно (прямых свидетельств нет), окружали войско по кругу цепочкой из повозок, внутри которых располагался военный лагерь [Голицын, с. 165]. Иногда во время совместных действий союзные князья размещали свои «товары» отдельно (в 1149 г., с одной стороны, Юрий Долгорукий со Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодовичем, с другой — Изяслав Мстиславич с союзниками венграми, кочевниками и с поляками Болеславом и Индрихом)⁷³. При размещении «товаров» иногда выбирали место с естественными преградами: «ста на волоньн . и товары за шгороды»⁷⁴, или используя постройки в населенных пунктах. Иногда «товары» ставили прямо на поле сражения, располагая в тылу⁷⁵. Во время осад крепостей «товары» ставились недалеко от города⁷⁶.

Однако с середины XII в. значение термина «товары» начинает расширяться. И это было связано не с военным лагерем, а с обозом. И. И. Срезневский⁷⁷, Ф. П. Сороколетов [Сороколетов, с. 195], Ю. Ю. Моргунов [Моргунов, с. 239–240] также отмечали второе значение «товаров» — «обоз». Сообщения источников во второй половине XII — начале XIII в. о «товарах» в этом значении чаще относились к тем моментам, когда войско обращалось в бегство, бросая свой лагерь (1174, 1216 г.), когда на военный лагерь нападали, чтобы не разбить противника, а разорить его (1180, 1217 г.). Например, под 6682/1174 г. говорилось об осаде Вышгорода войсками Андрея Боголюбского. После 9 недель безуспешных попыток захватить город в войсках началась паника: «и возматшася полци нхъ и не дождавьше свѣта... повѣгоша». Выйдя из Вышгорода, войско Мстислава бросилось преследовать неприятеля и напало на «товары»: «выгѣде изъ города . с дружиною своею . и гнавше дружина его и оударшася на товарѣ нхъ . и много колодникъ . изымаша»⁷⁸.

Такое же нападение на «товары» упоминалось под 6688/1180 г., когда войско Всеволода Юрьевича просило князя вступить в сражение с войском Святослава Всеволодовича, но владимирский князь решил послать полки рязанских князей только на «товары» противника: «посла Всеволодъ Рязаньскии князи . и вогнаша в товары Стославѣ»⁷⁹.

Под 6688/1180 г. упоминалось, что во время сражения у Долобска черные клобуки, несмотря на запрет, напали на «товары» войска князя Игоря Святославича и Кончака: «поустыша кони к товаромъ нхъ . воеводы же Роускъи не велѣхутъ имъ . и не могошати нхъ оудержати . бѣ бо еще ночь . они же шблзливша . грѣшиша товары нхъ... вогнаши вѣхутъ в товары нхъ . и повѣгоша . Чернии же Гловоуци»⁸⁰.

В Новгородской IV летописи под 6724/1216 г. упоминалось, что во время сражения у Липицы ополчение Новгорода и Смоленска напало на «товары» противника. Только после обращения князя Мстислава Мстиславича к новгородцам они все же продолжили бой, а смоленцы остались разорять лагерь неприятеля⁸¹.

Употребление слова «товары» в значениях и военного лагеря, и обоза, вероятно, было не случайным. Многозначность термина «товар» напоминала многозначность термина «вежи», который известен в значениях — шатер, кибитка, стан, город⁸².

⁷² Там же. Стб. 383.

⁷³ «подоша в товары своа» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 381); «такъ поѣхаша . кождо въ своа товары» (Там же. Стб. 386).

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 380.

⁷⁵ «взаша Игоревн товары» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 326).

⁷⁶ «стаста товары передъ Золотыми вороты» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 427); «стаста товары передъ городомъ» (Там же. Стб. 449); «стоацію . передъ городомъ в товарехъ» (Там же. Стб. 507).

⁷⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Стб. 969.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 577.

⁷⁹ Там же. Стб. 619.

⁸⁰ Там же. Стб. 622.

⁸¹ «Мьстиславъ же... сътвориша брань велику . и досѣкошася и до товаровъ... Мьстиславъ же рече: “братъ Новгородци! не стоите товару, прелѣжите боеви: възвергнутъ ли ся на насъ и смютуть насъ”. Новгородци же [не] брежаху товарю, но бяхоуся крѣпко, а Смоленяны посадиша на товары и лоупяху мертвыи, а о боеви не прележаху» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 192–193).

⁸² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. Стб. 484–485.

Практически во всех упоминаниях о «товарах» есть особенность — «товары» упоминались у тех князей, кто привлекал к совместным действиям кочевников. Например, одним из первых князей, привлекавших половцев, был Василько Ростиславич (в 6599/1091 г. Василько с половцами Тугорканом и Боняком разбил печенегов, в 6600/1092 г. с теми же половцами он разбил поляков)⁸³. Вероятно, поэтому летописец в сказании об ослеплении Василька старался всячески исключить связь половцев и князя, когда вкладывал в уста Василька намерение напасть на половцев⁸⁴. Не отказывались от половецкой помощи и Владимир Всеволодович (с Читеевичами под 6591/1083 г. спалил Минск), и его сыновья (Мстислав и Вячеслав под 6604/1096 г. на реке Кулачица (Колокша) с половецким Кунуем, который воевал под стягом Владимира против Олега Святославича). Внуки и правнуки Мономаха на юго-западе Руси нанимали других кочевников — черных клобуков, берендеев, торков, печенегов — в войска внука Изяслава Мстиславича (6654/1146–6661/1153 г.) и правнука Мстислава Изяславича (6667/1159, 6670/1162, 6678/1170 г.). «Товар» упоминался также и на юго-востоке Руси в войске черниговских князей (Ольговичей), поддерживавших добрососедские отношения с половцами — Игоря Ольговича (6654/1146 г.), Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича (6657/1149, 6659/1151 г.), Игоря Святославича (6688/1180 г.).

У «товара» было и еще одно значение, как и у «веж», — передвижное полевое укрепление.

Например, под 6607/1099 г. источники сообщали, что при осаде крепости Владимира Вольнского «некие» воины князя Давида Игоревича «часто (оуст) приступаше . единою пүстиша къ граду подъ вежами»⁸⁵. Подходя к крепости, они укрывались в повозках от стрел и копий ее защитников. Такой способ использования «веж» никогда не фиксируется в отечественных источниках ни до, ни после этой статьи. В сообщении говорилось, что повозками были не «товары», а «вежи», хотя о кочевниках летописец не упоминал. Вероятно, это было связано с тем, что летописец хотел скрыть взаимодействие русского князя и Боняка, так как перед осадой Владимира Вольнского именно благодаря Боняку была одержана победа над венгерским королем и князем Ярославом Святополчицем. И вполне естественно, что затем Давид Игоревич отправился «вступать во владения» при поддержке Боняка. Видимо, воинами, осаждавшими Владимир, были половцы, поэтому летописец и упоминал не русский «товар», а «вежи» кочевников.

Итак, можно думать, что в конце XI в. половцы использовали «вежи» и как передвижное полевое укрепление, и как средство защиты от дальнего и ближнего огня противника при нападении на крепости. Русские «товары» примерно с середины XII в. стали использоваться практически в аналогичных ситуациях. Например, в событиях под 6659/1151 г. летописец отметил следующее: «начаша вѣти по Днѣпроу . оу насадехъ ѿ Кыева . вни и до оустыа Десны . вни ис Кыева в насадехъ вѣтѣздаху вѣтса . а вни ис товаръ . и тако вѣхутса крѣпко»⁸⁶. По-видимому, защитники Киева использовали для обороны переправы через Днепр помимо «насадов» (речных судов) и «товары» (обозы), которые подвезли к берегу. В данном случае мы видим русский «товар» в качестве передвижного полевого укрепления.

Помимо этого, в дальнейшем описании обороны Киева летописец упоминал, что князь Изяслав Мстиславич, отступая к городу, не стал заходить в Киев и подвез «товары» к стенам города: «стаста товары перед Золотыми вороты . оу Пизингы»⁸⁷, что, вероятно, также могло указывать на использование «товаров» в качестве передвижного укрытия от нападения с тыла.

⁸³ Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 534.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 186.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 246–247.

⁸⁶ Там же. Стб. 423.

⁸⁷ Там же. Стб. 427.

О расположении «товаров» в тылу перед городскими стенами упоминается еще под 6654/1146 г., когда Игорь Святославич сражался против Изяслава Мстиславича. Может быть, поэтому в 1151 г. Изяслав учел опыт Игоря?

Другое свидетельство, подтверждающее использование «товара» в качестве передвижного полевого укрепления, встречается в описании событий второй половины XII в. Под 6685/1177 г. говорилось, что войска рязанского князя Глеба Ростиславича и владимирского князя Всеволода Юрьевича не могли в течение месяца вступить в сражение из-за речных препятствий: «бѣ во не азѣ перенти рѣкы твердью»⁸⁸. Чтобы прекратить «стояние», Всеволод Большое Гнездо решил напасть на противника и переправиться через реку под прикрытием «возов» (обозов). Это известие показывает, как можно было прекрасно использовать для защиты от стрельбы из луков и копий противника «возы» (северо-восточное летописание), которые соответствовали «товару» (летописные своды Южной Руси), не только для обороны переправ (1151 г.), но и для самой переправы.

В связи с этим любопытны сообщения новгородских источников, где «товары» предстают как образец оборонительных укреплений для успешной борьбы с противником. В Новгородской I летописи сохранилось сообщение о том, что под 6725/1217 г. у крепости Медвежья Голова (совр. Отепя, Эстония) немцы напали на «товары» новгородцев, а затем были обращены в бегство⁸⁹. Аналогичный пример встречаем под 6776/1269 г., когда обозы в значении оборонительных укреплений привели к бегству неприятеля, который не стал «испытывать судьбу» и дожидаться утра, чтобы дать бой⁹⁰.

Вышеперечисленные сообщения источников (1151, 1177, 1217, 1269 г.) свидетельствуют, что русское войско при возможности использовало обозный транспорт в качестве укрытий при обороне и переправах через реки, как некий оборонительный плацдарм для дальнейшего наступления.

Хотя в летописях можно встретить и противоположные примеры. Так, в 1151 г. после неудачи под Киевом Юрий Долгорукий попытался укрыться в Белгороде от Изяслава Мстиславича. Но князя в город не пустили. Юрий продолжил движение на встречу союзнику Володимерко Галицкому. Изяслав настиг противника и напал на его «товары». Юрий Владимирович не использовал «товары» как оборонительное укрепление и дал сражение, в котором потерпел поражение.

Военные силы Юрия Долгорукого на тот момент были значительными, в то время как его соперник Изяслав не обладал таким военно-политическим потенциалом. Он добивался успеха благодаря военному искусству. Например, в 1150 г. он обманул преследовавшее его войско «сторожей» Володимерка Галицкого под Белгородом⁹¹, в 1152 г. «исхитрил» речные суда для обороны речных переправ у Киева, накрыв их досками⁹². Зачем он это сделал? Вероятно, потому, что на переправе в устье Днепра и Десны против него сражались половцы, союзники Юрия Долгорукого. Основной силой половцев был дальний бой (луки). Именно это и учел

⁸⁸ «кнѣзь же всеволодъ наряди въ полки на масленѣи недѣлѣ . и пусти возы на ту сторону рѣкы идеже Глѣбъ стояше . Глѣбъ же наряди полкъ со Мстиславомъ с Ростиславичемъ на возы» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 384).

⁸⁹ «а наѣхаша на товары безъ вѣсти, новгородци же побегоша съ вѣча въ товары, и поймавшѣ оружие и выбиша е ис товаръ; и побѣгоша Нѣмци къ городу» (ПСРЛ. Т. III. С. 57, 258).

⁹⁰ «И тако въспятишася от города, и узрѣша иньи полчищѣ свинью великую, которая бяше вразилася въ возники новгородскыѣ; и хотѣша новгородци на нихъ ударити, но иньи рекоша: “уже есть велми к ночи, еда како смятемся и побиемся сами”; и тако сташа близъ противу себѣ, ожидающе свѣта. Они же оканьнии крестопреступници, не дождавше свѣта, побѣгоша» (ПСРЛ. Т. III. С. 87, 318).

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 412–413.

⁹² «бѣху въ лодыи покрыти досками . и борци стояще горѣ въ брѣнахъ . и стрѣляюще» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 423–424).

Изяслав, укрьив своих воинов досками от стрел. С одной стороны, он защищал воинов, а с другой — дал возможность вести ответную стрельбу по противнику из укрьтиий, что и вызвало удивление у летописца: «бѣ во исхитриль Изяславъ лодьи дневно бѣша», который включил это описание в рассказ. Но ведь в источнике помимо «насадов» упоминалось, что в бою были задействованы и «товары»: «ѡни ис Кыева в насадехъ вѣтѣздаху витьса . а ѡни ис товаръ . и тако выахутса крѣпко»⁹³. На основе этого вполне логично предположить, что князь поступил подобным образом и с «товарами», внутри которых стрелки из лука расстреливали из бойниц противника не на большом расстоянии, а в непосредственной близости к месту боевых действий. Сочетание «товаров» и «насадов» позволило Изяславу на большом речном пространстве оказать сопротивление, заставив половцев отступить.

Примеры использования обозов дают основания предположить, что русский «товар» был своего рода прототипом гуситских заградительных повозок (Die Wagenburg — передвижное полевое укрепление из повозок в XV–XVIII в.). Любопытно, что чешский вариант вагенбурга назывался «табор» (tábor) или «возова градба» (vozová hradba), что было близко русским «товарам». Разница состоит в том, что wagenburg датируется XV–XVIII в., а русский «товар» — концом XI — серединой XII в.

Помимо того что сами описания военных действий были краткими, что еще влияло на причины, по которым упоминания о полевых укреплениях были столь редки?

Из порядка 220 сражений русских войск с X до конца XV в. сохранились упоминания о 74 стоянках русского войска у рек (36 случаев — междукняжеские столкновения⁹⁴, 38 — противостояния с иноземцами⁹⁵), к этому можно добавить вообще некие действия у рек (1151 г. — р. Днепр, 1160 г. — р. Десна, 1469 г. — р. Волга), болот⁹⁶, оврагов⁹⁷.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу, что на протяжении X–XV в. в 34% случаев сражений или боевых действий русское войско использовало природные препятствия вместо строительства искусственных. Из оставшихся 66% сражений надо исключить сражения, которые проходили у крепостей, сел, погостов, когда вместо полевых укреплений князья использовали уже построенные искусственные (крепости, села, монастыри). Таких сражений фиксируется

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 423.

⁹⁴ 1016 г. — у Днепра, 1019 г. — р. Алга, 1067 г. — р. Немига, 1068 г. — р. Альта, р. Сновь (Чр-П), 1078 г. — р. Сожица, 1080 г. — р. Десна, 1093 г. — р. Стугна, 1096 г. — р. Трубеж, р. Кулачица, 1099 г. — р. Вагра, 1136 г. — р. Супой, 1150 г. — р. Ольшаница, 1151 г. — р. Великий Рутец, 1152 г. — р. Сан, 1153 г. — р. Сереть, 1167 г. — река под Витебском, 1176 г. — р. Лакша, 1177 г. — р. Колошка, 1180 г. — р. Влена, 1202 г. — р. Сереть, 1209 г. — р. Тросна, 1210 г., р. Дроздна/Дрона, 1211 г. — «Кровавый брод» у Галича, 1216 г. — р. Липица, ручей Тунег, 1231 г. — р. Сучь, 1245 г. — р. Сочница, 1249 г. — р. Сан, 1317 г. — р. Волга приток р. Удормы, 1337 г. — р. Двина, 1408 г. — р. Смядва, 1433 г. — р. Клязьма, р. Кусь, 1446 г. — устье р. Мологи, 1471 г. — р. Шелонь, р. Двина.

⁹⁵ 981 г. — р. Висла, 984 г. — р. Пицана, 992 г. — р. Трубеж, 1018 г. — р. Буг, 1068 г. — р. Альта, р. Сновь, 1080 г. — р. Десна, 1093 г. — р. Стугна, 1096 г. — р. Трубеж, 1111 г. — р. Сальница, 1164 г. — р. Воронай, 1207 г. — р. Висла, 1218 г. — р. Матерь Вод, 1223 г. — р. Калка, 1225 г. — р. Вста, 1234 г. — р. Омовежа, 1238 г. — р. Сить, 1240 г. — р. Нева, 1242 г. — оз. Чудское, 1268 г. — р. Кегола, 1271 г. — р. Мировна, 1275 г. — р. Окуневка, 1284 г. — устье р. Невы, 1323 г. — р. Ирпень, 1343 г. — оз. Остречне, 1348 г. — р. Стребене (приток р. Неман), 1351 г. — р. Синие Воды, укр. Синюха, 1367 г. — р. Пиана, 1368 г. — р. Тросна, 1377 г. — р. Пьяна, 1378 г. — за р. Окой р. Вожа, 1380 г. — р. Непрядва, 1390 г. — р. Вилле, 1399 г. — р. Врксла, 1407 г. — р. Серица, 1435 г. — р. Святая за Вилькомирой, 1450 г. — р. Бетюца, 1469 г. — р. Волга.

⁹⁶ «взяша перемирие на Пашковѣ гати» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472); «ста на Пашковѣ гати, и уряди полкы своа, и бе между ими рѣка Ока» (Там же. Стб. 475).

⁹⁷ «И стаща обѣ рати противу себе воужаса о врагъ, и не бышет[в] льзѣ толь борзо снятися, бяшетъ бо дебрь глубока зѣло» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 103).

72 (39 — междуособных⁹⁸, 33 — с иноземцами⁹⁹), что составляет около 33%. Следовательно, около 68–70% сражений проходили без строительства полевых укреплений и только около 30–33% могли проходить с их использованием. Соответственно, анализируя лишь эту часть сражений, можно пытаться определить, как часто князья сооружали полевые укрепления для своего войска. Если же учесть тактические особенности ведения боевых действий русских князей, когда преобладала тактика «изъезд» и «разгон» (стремительный набег), при которой строить укрепления просто не было времени, то оказывается, что примерно лишь в 10% случаев они могли организовывать рассматриваемые укрепления.

Что мы знаем о полевых укреплениях соседей Руси? В русском летописании встречается информация в отношении оборонительных сооружений, которые использовали зарубежные войска. Например, под 6759/1251 г. польское войско с воеводами Судой и Сигневом, с князьями Даниилом и Васильком Романовичами напало на земли ятвягов. Для стоянки поляки построили «встрогъ»¹⁰⁰. Ночью ятвяги напали на поляков, и «острог» не позволил противнику неожиданно атаковать отдохнувшее войско, а подошедшие русские стрелки заставили ятвягов отойти. Данный факт прекрасно демонстрировал эффективность укрепленной стоянки. Выстраивали ли такие же укрепления русские? Летописец специально отметил, что русское войско не позаботилось о безопасности: «Ляхом же встрожившимся . нападоша ночь на Ляхы . а Роуци не встрожившимся»¹⁰¹. Скорее всего, ятвягам надо было нападать на русскую стоянку. Более того, в дальнейшем русские по-прежнему просто становились «станом», не используя опыт польского войска не только в 6759/1251 г., но и позднее в 6763/1255 г.¹⁰², 6764/1256 г.¹⁰³, когда войско не строило полевых укреплений для лагеря, предпочитая останавливаться в захваченных селах.

Под 6755/1247 г. летописец сообщал, что князья столкнулись с укреплениями литовского войска: «внѣм же ставшимъ . вѣкшимся в лѣсѣ»¹⁰⁴. Под 6763/1255 г. упоминалось об укреплениях ятвягов: «в лѣсѣ вѣкльса»¹⁰⁵. Но ни литовский, ни ятвяжский примеры укреплений русские не восприняли, хотя прекрасно знали на собственном опыте, как тяжело атаковать противника, который «осекся» в лесу. Например, в 6788/1280 г. князю Владимиру сообщили, что в лесу находилась польская «осекъ», где была большая добыча, не захваченная богатырями Нагая. «Осека» была неприступна: «зане твердѣ баше велми»¹⁰⁶. После тяжелейшего боя русские завладели «осекой», и летописец отмечал: «вишася с ними Ляховѣ крѣпко ѡдва могоша и взати

⁹⁸ 977 г. — Овруч, 1069 г. — Голтичск, 1096 г. — Муром, 1140 г. — Переславль, 1142 г. — Переславль (2), 1144 г. — Звенигород, 1146 г. — Киев, 1149 г. — Переславль, 1151 г. — Киев, 1152 г. — Новгород-Северский, 1154 г. — Воловес, 1161 г. — Киев, 1162 г. — Городец под Полоцком, 1169 г. — Вышгород, 1171 г. — Киев, 1172 г. — Вышгород, 1173 г. — Новгород, 1174 г. — Вышгород, 1176 г. — Свирилеск, 1180 г. — у Долобска, 1189 г. — Галич, 1203 г. — Галич, 1210 г. — Осовое, 1213 г. — Городок, 1214 г. — Вышгород, 1219 г. — Галич, 1226 г. — Галич, 1231 г. — р. Виля, 1234 г. — Треполь, Перемышль, 1235 г. — Торцк, 1249 г. — Ярославль, 1301 г. — Переславль, 1306 г. — Переславль, 1308 г. — Москва, 1317 г. — Тверь, 1375 г. — Кострома, 1385 г. — Рязань, 1450 г. — Галич.

⁹⁹ 946 г. — Искоростень, 1036 г. — Киев, 1069 г. — Новгород, 1092 г. — Бела Вежа, 1103 г. — Муром, 1142 г. — Ладога, 1164 г. — Ладога, Бряхимов, 1182 г. — Булгар, 1176 г. — Псков, 1205 г. — Червен, 1217 г. — Отепя, 1220 г. — Ошеля, 1229 г. — Брест, 1237 г. — Рязань, Коломна, 1247 г. — Пинск, 1248 г. — Дрогочин, 1252 г. — Рига, 1254 г. — Опава, 1258 г. — Владимир-Волыньск, 1262 г. — Нелюб, 1278 г. — Волковьевск, 1320 г. — Владимир-Волыньск, 1370 г. — Рудову, 1387 г. — Мстиславль, 1314 г. — Тверь, 1402 г. — Любутск, 1407 г. — с. Камень, 1432 г. — Вильно, 1438 г. — у Белева, 1443 г. — Рязань, 1445 г. — у Суходров, 1451 г. — Москва.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 811.

¹⁰¹ Там же. Стб. 810.

¹⁰² «Данилоу же королеви . ставшюу в домоу . вѣкннговѣ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 828).

¹⁰³ «ста на селѣ . Корковичухѣ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 834).

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 798.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 827.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 882.

с великимъ потом»¹⁰⁷. Примеры эффективности «засеки» были очевидны. Однако в источниках не сохранилось упоминаний, чтобы князья использовали подобный вид оборонительных укреплений для стоянки войска, за исключением Пскова (1137 г.)¹⁰⁸ и Чернигова (1196 г.)¹⁰⁹.

На протяжении X–XV в. отечественное военное дело отметилось сооружением искусственных укреплений в виде «тверди» и «города» (середина XII — первая четверть XIII в.), иногда использовался обозный транспорт «товар» (середина XII — первая четверть XIII в.).

После нашествия войск хана Батые письменные свидетельства о полевых укреплениях исчезают со страниц летописей.

Только в конце XIV — середине XV в. новгородские военачальники в результате многолетних нападений пришли к необходимости строительства на чужих территориях «острогов» (долговременная фортификация) в качестве опорных пунктов. Следовательно, строительство полевых укреплений в средневековой Руси развивалось самостоятельно.

Литература

- Голицын Н. С. Русская военная история. СПб., 1877. Ч. I.
- Дорн Б. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах на побережье Каспийского моря. СПб., 1875. С. 8.
- Косточкин В. В. Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969.
- Котляр Н. Ф. Нариси военного мистецтва Давньої Русі. Киев., 2010.
- Кучера М. П. История исследования Змиевых валов Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
- Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России до XVIII столетия. СПб., 1858. Ч. I.
- Михайлова И. Б. Древняя Русь и Степь // Россия и степной мир Евразии. СПб., 2006. С. 66–67.
- Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М., 2009.
- Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961.
- Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965.
- Рыбаков Б. А. Очерки русской культуры в XIII–XV вв. М., 1969.
- Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970.
- Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Фриде М. А. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Л., 1924. Вып. 3. С. 113–143.

---

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «засеки осеки всѣ» (ПСРЛ. Т. III. С. 25, 210).

¹⁰⁹ «и ста подѣ лѣсы своими засѣкъса» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 698).